

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА -
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Representative
of the Russian Federation at
the European Court of Human Rights
- deputy Minister of Justice
of the Russian Federation**

**Représentant
de la Fédération de Russie auprès
de la Cour Européenne
des Droits de l'Homme - vice-ministre de
la Justice de la Fédération de Russie**

14, Zhitnaya, Moscow, 119991

tel.: (495) 677-09-40, fax: (495) 677-06-93

« 06 » Февраль 20 17 г.

№ 10-7491-16

Mr Stephen Phillips
Third Section Registrar
European Court of Human Rights

**Application no. 4460/16
Sablina and Others v. Russia**

Dear Sir,

With reference to your letter of 26 September 2016 in respect of the above application, please find attached the observations of the Government of the Russian Federation, as well as copies of the corresponding documents.

Yours faithfully,

Head of the Office of the Representative of
the Russian Federation at the European
Court of Human Rights - Deputy Minister
of Justice of the Russian Federation

Andrey Fedorov

Encs. on 435 pp.

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА –
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Representative
of the Russian Federation at
the European Court of Human Rights
– deputy Minister of Justice
of the Russian Federation**

**Représentant
de la Fédération de Russie auprès
de la Cour Européenne
des Droits de l'Homme – vice-ministre de
la Justice de la Fédération de Russie**

14, Zhitnaya, Moscow, 119991

tel.: (495) 677-09-40, fax: (495) 677-06-93

« 06 » February 20 17 г.
№ 10 - 7491 - 16

Mr Stephen Phillips
Third Section Registrar
European Court of Human Rights

Application no. 4460/16

Sablina and Others v. Russia

Dear Sir,

With reference to your letter of 26 September 2016 in respect of the above application, please be informed that the Government of the Russian Federation do not see any grounds for a friendly settlement of the matter at this stage of the proceedings.

Yours faithfully,

Head of the Office of the Representative of
the Russian Federation at the European
Court of Human Rights – Deputy Minister
of Justice of the Russian Federation

Andrey Fedorov

Жалоба № 4460/16

В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

САБЛИНА и ДРУГИЕ

ПРОТИВ

РОССИИ

**ЗАМЕЧАНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПРИЕМЛЕМОСТИ И ПО СУЩЕСТВУ**

**г. Москва
6 февраля 2017 г.**

26 сентября 2016 г., Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) уведомил власти Российской Федерации о жалобе № 4460/16 «Саблина и другие против России», поданной в Европейский Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) 28 декабря 2015 г. гражданами Российской Федерации Еленой Владимировной Саблиной, Татьяной Михайловной Бирюковой и Нелли Степановной Саблиной (далее – заявительницы), а также предложил им представить свои замечания и ответить на следующие вопросы:

1. Является ли изъятие органов А.С. без ее предварительного согласия или согласия заявительниц вмешательством в право заявительниц на уважение их частной и/или семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции? Властям Российской Федерации предлагается представить свои замечания по этому вопросу в отношении бабушек и в отношении матери А.С. отдельно.

Если да, то:

- (а) было ли это вмешательство произведено «в соответствии с действующим законодательством»;
в частности, каковы были законные основания для такого вмешательства;
отвечало ли соответствующее российское законодательство, действующее в соответствующее время, требованиям ясности и предсказуемости? В частности, имелись ли разногласия между компетентными органами в отношении объема и интерпретации российского законодательства о трансплантации органов (см. постановление Европейского Суда по делу «Элберте против Латвии» (*Elberte v. Latvia*), жалоба № 61243/08, § 113, ECHR 2015)? Кроме того, существовала ли какая-либо система информирования широкой общественности о таком законодательстве и/или регулировании в этой области на месте, в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации № 459-О от 4 декабря 2003 года?

Обеспечивало ли соответствующее законодательство Российской Федерации, действующее на тот момент, достаточную защиту от произвола;

- (б) преследовало ли такое вмешательство законную цель;
- (в) было ли это вмешательство «необходимым» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции?

2. Подверглись ли заявительницы бесчеловечному и/или унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции по причине изъятия органов А.С. без ее предварительного согласия или без согласия заявительниц?

3. Было ли разбирательство по вопросу определения гражданских прав и обязанностей заявительниц справедливым и публичным как того требует пункт 1 статьи 6 Конвенции?

В частности:

- (а) было ли ограничение права заявительниц на публичное разбирательство и публичное вынесение судебного решения, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 6 Конвенции, необходимым и оправданным в обстоятельствах настоящего дела? Если нет, имело ли место нарушение соответствующей гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции;
- (б) был ли соблюден принцип равенства сторон в отношении участия прокурора в гражданском процессе (см. постановления Европейского Суда по делу «Бацанина против России» (*Batsanina v. Russia*) от 26 мая 2009 г., жалоба № 3932/02, § 27; по делу «Королев против России № 2» (*Korolev v. Russia № 2*) от 1 апреля 2010 г., жалоба № 5447/03, § 33; и по делу «Менчинская против России» (*Menchinskaya v. Russia*) от 15 января 2009 г., жалоба № 42454/02)? Было ли Замоскворецким районным судом г. Москвы рассмотрено ходатайство заявительниц от 2 марта 2015 г. касательно отстранения прокурора от участия в деле? Если да, то властям предлагается предоставить копию соответствующего решения;

- (в) было ли публичное оглашение резолютивных частей судебных решений по делу заявительниц достаточным для удовлетворения соответствующего требования пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановления Европейского Суда по делу «Малмберг и другие против России» (*Malmberg and Others v. Russia*) от 15 января 2015 г., жалобы №№ 23045/05, 21236/09, 17759/10 и 48402/10, и по делу «Рякиб Бирюков против России» (*Ryakib Biryukov v. Russia*), жалоба № 14810/02, ECHR 2008)? Если нет, то имело ли место нарушение соответствующей гарантии пункта 1 статьи 6 Конвенции?

Ответы на вопросы Европейского Суда

1. Прежде чем перейти к ответам на поставленные Европейским Судом вопросы, власти Российской Федерации считают необходимым обратить внимание на тот факт, что 10 июля 2014 г. заявительницами в Европейский Суд уже была подана аналогичная жалоба на нарушение их прав по статьям 3 и 8 Конвенции в связи с предполагаемым незаконным изъятием органов Алины Саблиной без ее согласия и/или согласия заявительниц. Указанной жалобе Секретариатом Европейского Суда был присвоен № 52859/14.
2. Власти Российской Федерации особо подчеркивают, что в части предполагаемого нарушения в отношении заявительниц статей 3 и 8 Конвенции, жалоба № 52859/14 от 10 июля 2014 г. (копия прилагается) идентична настоящей жалобе № 4460/16, поданной заявительницами 28 декабря 2015 г.
3. В этой связи необходимо принять во внимание тот факт, что, как следует из письма Секретариата Европейского Суда от 29 января 2015 г., адресованного представителю заявительниц Буркову А.Л. (копия прилагается), жалоба № 52859/14 от 10 июля 2014 г. была признана неприемлемой 22 января 2015 г. в связи с несоблюдением

- заявительницами установленных статьями 34 и 35 Конвенции критериев приемлемости при подаче их жалобы в Европейский Суд.
4. При этом, как следует из материалов дела, на момент признания жалобы № 52859/14 от 10 июля 2014 г. неприемлемой, заявительницы уже обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту удаления и трансплантации органов Алины Саблиной в следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве и Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а также с жалобой в территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по г. Москве и Московской области.
 5. По обращению заявительниц 4 июля 2014 г. Следственным комитетом Российской Федерации было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении медицинских работников, осуществлявших лечение Алины Саблиной и производивших изъятие ее органов для трансплантации.
 6. Кроме того, 4 июня 2014 г. территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по г. Москве и Московской области проинформировал первую заявительницу о том, что проведенной внутренней проверкой были установлены некоторые незначительные нарушения в деятельности Государственного бюджетного учреждения здравоохранения г. Москвы «Городская клиническая больница № 1 им. Н.И. Пирогова» Департамента здравоохранения г. Москвы и Московского координационного центра органного донорства, но ни одно из них не позволяло признать незаконным изъятие органов ее дочери.
 7. Таким образом, представляется, что единственным отличием обстоятельств жалобы № 52859/14 от 10 июля 2014 г. от обстоятельств настоящей жалобы является то, что после вынесения решения о неприемлемости жалобы № 52859/14, заявительницы обратились в национальный суд с иском о компенсации морального

вреда, причиненного незаконным изъятием органов Алины Саблиной без ее согласия и/или согласия заявительниц, а также направили жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации, оспаривая конституционность положений статьи 8 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека»).

8. Относительно обращения заявительниц в национальный суд с иском о компенсации морального вреда, власти Российской Федерации полагают, что, в связи с тем, что Следственным комитетом Российской Федерации было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту изъятия органов Алины Саблиной для трансплантации без ее согласия и/или согласия заявительниц, а также тем, что законодательство Российской Федерации не возлагает обязанности на медицинских сотрудников получать согласие у родственников умершего лица на изъятие его органов для трансплантации, отсутствовали основания для присуждения заявительницам денежной компенсации. Кроме того, указанное средство правовой защиты способно лишь частично восстановить нарушенные права лиц путем присуждения им соответствующей денежной компенсации. Однако рассматривающий гражданские дела суд не обладает полномочиями для осуществления уголовного преследования предполагаемых виновных лиц или возложения на них обязанностей по устранению нарушений. Наконец, российским законодательством не предусмотрены сроки давности для обращения с иском о компенсации морального вреда, в связи с чем принятие и рассмотрение Европейским Судом жалоб граждан не должно, по мнению властей Российской Федерации, ставится в зависимость от исчерпания ими указанного средства правовой защиты в данном случае.

9. Что касается обращения заявительниц в Конституционный Суд Российской Федерации, власти Российской Федерации отмечают, что в своих постановлениях по аналогичным делам (в параграфах 67 – 70 постановления по жалобе № 4605/05 «Петрова против Латвии» (*Petrova v. Latvia*) от 24 июня 2014 г. и параграфах 78 – 81 постановления по жалобе № 61243/08 «Элберте против Латвии» (*Elberte v. Latvia*) от 13 января 2015 г. Европейский Суд пришел к выводу о том, что названное средство правовой защиты в указанном случае являлось неэффективным и не требовало исчерпания).
10. Кроме того, власти Российской Федерации обращают внимание Европейского Суда на тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации ранее, еще в 2003 году, проверял конституционность положений Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и установил, что сама по себе указанная норма не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан (Определение от 4 декабря 2003 г. № 459-О).
11. Учитывая то, что жалоба заявительниц в части, касающейся предполагаемого нарушения в отношении них статей 3 и 8 Конвенции уже была признана Европейским Судом неприемлемой, соглашаясь с решением Европейского Суда от 22 января 2015 г. по жалобе № 52859/14 «Саблина и другие против России», а также принимая во внимание изложенные выше доводы, власти Российской Федерации полагают, что настоящая жалоба должна быть отклонена в части предполагаемого нарушения прав заявительниц, гарантированных статьями 3 и 8 Конвенции.

Ответ на вопрос № 1

12. В любом случае, власти Российской Федерации полагают, что в настоящем деле отсутствовало нарушение прав заявительниц, гарантированных статьей 8 Конвенции.

13. Так, согласно статье 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. В соответствии со статьями 20 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жизнь и право на охрану здоровья и медицинскую помощь. К числу неотъемлемых прав человека статья 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации относит и закрепляет право на личную неприкосновенность, исключаящую незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем понятием «физическая неприкосновенность» охватывает не только прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека. В силу статьи 21 Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.
14. Производным от названных конституционных прав является право человека на достойное отношение к его телу после смерти, которое применительно к отдельным видам правоотношений конкретизируется, в частности, в статье 5 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» и статье 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека».
15. Достоинство личности, кроме того, обеспечивается и правом на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации), признание которого на конституционном уровне предполагает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не могут быть подвергнуты интенсивному правовому

регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов, которым сам гражданин доступ к указанной сфере не предоставил. Право на неприкосновенность частной жизни означает и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер (Определение от 9 июня 2005 г. № 248-0).

16. Из предписаний статьи 23 Конституции Российской Федерации вытекает и обязанность законодателя обеспечить уважительное отношение со стороны любых третьих лиц к волеизъявлению лица по вопросам, касающимся его личной жизни, гарантируя его учет в том числе после смерти данного лица. Эти же конституционные предписания, исходя из того, что неотъемлемым элементом частной жизни являются родственные и семейные отношения, на что обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П, предполагают необходимость уважительного отношения и создания условий для возможно полного учета мнения ближайших родственников умершего лица по тем вопросам посмертных отношений, по которым мнение самого умершего осталось невыявленным. В частности, право близких родственников заявить о несогласии на изъятие органов и/или тканей из тела умершего, основывающееся на конституционном требовании уважения частной жизни и признании того обстоятельства, что никто не может знать предпочтения и мировоззренческие установки умершего лица лучше его близких родственников, законодатель закрепил в статье 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и пункте 3

статьи 5 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», которые, таким образом, направлены на конкретизацию положений статьи 23 Конституции Российской Федерации.

17. При осуществлении такого вида медицинского вмешательства, как трансплантация органов и/или тканей от одного человека к другому, – в условиях возможного конфликта их интересов – задача достижения должного, не нарушающего права ни одного из них баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав предопределяет содержание правового регулирования в данной сфере, которое должно учитывать в том числе нравственные, социальные и иные аспекты этого вида медицинского вмешательства.
18. Как следует из Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», трансплантация органов и/или тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан и может осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав человека в соответствии с гуманными принципами, провозглашенными международным сообществом, при этом интересы человека должны превалировать над интересами общества или науки. Статья 1 названного Закона предусматривает, что трансплантация органов и/или тканей от живого донора или трупа применяется только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранение жизни больного (реципиента) либо восстановление его здоровья; изъятие органов и/или тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред и может иметь место исключительно с согласия живого донора; органы и/или ткани человека не могут быть предметом купли-продажи; купля-продажа таких органов и/или тканей, а также реклама этих действий влекут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

19. В соответствии со статьей 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», изъятие органов и/или тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и/или тканей после смерти для трансплантации реципиенту.
20. Таким образом, законодатель в данном случае избрал модель презумпции согласия на изъятие органов и/или тканей человека после его смерти («неиспрошенное согласие» или «предполагаемое согласие»), трактующую невыражение самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия – при том, что никто после смерти не может быть подвергнут данной процедуре, если известно об отрицательном отношении к этому самого лица, его близких родственников, законных представителей.
21. Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей), а с другой стороны, – на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата.
22. Необходимым условием для введения в правовое поле презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов (тканей) человека после его смерти является также наличие опубликованного для всеобщего сведения и вступившего в силу законодательного

акта, содержащего формулу данной презумпции, – тем самым предполагается, что заинтересованные лица осведомлены о действующих правовых предписаниях. В Российской Федерации таким актом является вышеназванный Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

23. Кроме того, во исполнение рекомендаций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в его Определении от 4 декабря 2003 г. № 459-О, был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Статье 47 указанного закона посвящена вопросам донорства органов и тканей человека и их трансплантации и предусматривает, что совершеннолетний дееспособный гражданин может в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально, выразить свое волеизъявление о согласии или о несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; в случае отсутствия такого волеизъявления право заявить о своем несогласии на изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) имеют супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии – один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, дедушка); в случае смерти несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересадки) допускается на основании испрошенного согласия одного из родителей; информация о наличии волеизъявления гражданина, иных лиц, выраженного в устной или письменной форме, вносится в медицинскую документацию гражданина; изъятие органов и тканей для трансплантации (пересадки) у трупа не допускается, если медицинская организация на момент изъятия в установленном

законодательством Российской Федерации порядке поставлена в известность о том, что данное лицо при жизни либо иные лица в случаях, указанных в частях 7 и 8 данной статьи, заявили о своем несогласии на изъятие его органов и тканей после смерти для трансплантации (пересадки); при этом органы и ткани для трансплантации (пересадки) могут быть изъяты у трупа после констатации смерти; в случае необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы разрешение на такое изъятие должно быть дано судебно-медицинским экспертом с уведомлением об этом прокурора; не допускается принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации (пересадки).

24. Как следует из взаимосвязанных положений частей 6, 7 и 9 указанной статьи, волеизъявление одного из близких родственников о несогласии на изъятие органов и тканей для трансплантации может быть выражено в таком же порядке, в каком оформляется волеизъявление самого гражданина о согласии или несогласии на изъятие органов и тканей из своего тела после смерти для трансплантации.
25. Власти Российской Федерации далее отмечают, что в своем Определении от 4 декабря 2003 г. № 459-О Конституционный Суд Российской Федерации уже пришел к выводу о том, что статья 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», содержащая формулу презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов и/или тканей человека после его смерти, сама по себе не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.
26. Закрепление в Законе «О трансплантации органов и (или) тканей человека» презумпции согласия гражданина на возможное использование его органов после смерти для трансплантации имело целью развитие в стране донорства и трансплантации с использованием такого регулирования изъятия органов и/или

- тканей, которое способствовало бы увеличению пригодных для трансплантации органов (тканей) и спасению жизни как можно большего числа лиц, нуждающихся в ней, с учетом достигнутого уровня развития национальной системы донорства и трансплантации и сложившегося общественного отношения к данной системе.
27. При этом власти Российской Федерации отмечают, что избранная российским законодателем модель правового регулирования, основанная на презумпции согласия на посмертное изъятие органов и/или тканей для трансплантации, не является исключением в мировой практике и в целом основана на общепризнанных принципах и нормах международного права, наделяющих государство правом законодательного регулирования указанных вопросов, принимая во внимание основополагающий принцип – соблюдение права человека на личную неприкосновенность.
28. Так, Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены на Шестидесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21.05.2010, Резолюция WHA63.22) предусматривают, что для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если: (а) получено согласие в форме, требуемой законом, и (б) нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия.
29. При этом в комментарии к данному Руководящему принципу разъясняется, в частности, что в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семьи участвуют в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» или «предполагаемым». В обеих системах любое надежное свидетельство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию. В

системе четко выраженного согласия, которую иногда называют системой «презумпции несогласия», клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего в случае, если умершим при жизни было недвусмысленно заявлено согласие на такое изъятие. В зависимости от существующего в стране закона изъятие согласия допускается в устной форме или может быть зафиксировано в карте донора, водительских правах или удостоверении личности, либо в медицинской карте или реестре доноров. В случае, если умерший при жизни не оставил ни положительного, ни четко отрицательного отношения к изъятию органа, разрешение должно быть получено от уполномоченного в правовом порядке лица, каковым обычно является член семьи. Вторая система, которая является системой предполагаемого согласия («презумпции согласия»), позволяет осуществить изъятие материала из тела умершего для трансплантации (и в ряде стран – для анатомического изучения либо в научных целях) в случае, если умерший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органа, которое должно быть зафиксировано в официальном документе в установленном порядке, или в случае, если информированная сторона не поставит в известность о возражении, высказанном при жизни умершим против донорства. Учитывая важность получения согласия с этической точки зрения, такая система должна обеспечить полную информированность людей относительно существующей политики и предоставление им беспрепятственной возможности пойти по пути несогласия».

30. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, власти Российской Федерации обращают внимание Европейского Суда на тот факт, что заявительницы признали в своей жалобе в Европейский Суд, что при жизни Алина Саблина не выражала несогласия по вопросу о возможном изъятии ее органов в случае ее смерти. Что касается самих заявительниц, то следует принять во внимание тот факт, что заявительницы не предоставили каких-либо доказательств того, что

они тем или иным образом возражали против изъятия органов у Алины Саблиной. При этом первая заявительница и отец Алины Саблиной находились в больнице в течение шести дней, им было сообщено о тяжелом состоянии их дочери и вероятном неблагоприятном исходе для ее жизни, и, таким образом, они имели реальную возможность в течение указанного времени заявить о своем несогласии с возможным изъятием органов Алины Саблиной.

31. При этом власти Российской Федерации полагают, что возложение на медицинских сотрудников обязанности узнавать мнение родственников относительно их согласия на изъятие органов их умершего члена семьи по сути бы подменяло существующую систему предполагаемого согласия системой «презумпции несогласия».
32. Что же касается вопроса предполагаемой неосведомленности заявителей о существующей системе предполагаемого согласия, власти Российской Федерации отмечают, что на момент гибели Алины Саблиной соответствующий Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» действовал в течение двадцати одного года. Он был принят и официально опубликован. Кроме того, в декабре 2003 г., то есть за десять лет до рассматриваемых событий, было принято и опубликовано Определение Конституционного Суда № 459-О, которым положение статьи 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», предусматривающее презумпцию согласия гражданина на возможное использование его органов после смерти для трансплантации было признано соответствующим Конституции. Наконец, 21 ноября 2011 г. был принят Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
33. При этом власти Российской Федерации сообщают, что принятие важных законодательных актов, наряду с официальным опубликованием в печатных изданиях, всегда освещается в иных средствах массовой информации.

34. В этой связи власти Российской Федерации убеждены, что на государство не может быть возложена вина за то, что заявительницы не нашли возможности ознакомиться с существующей системой «презумпции согласия» лица на изъятие органов лица в случае его смерти за столь длительный срок ее существования.
35. Власти Российской Федерации далее отмечают, что в последние годы существующая система донорства и трансплантации находится в процессе развития и усовершенствования.
36. Так, Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 271-ФЗ в статью 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» были внесены изменения, направленные на установление правовых оснований осуществления учета донорских органов и тканей человека, доноров органов и тканей, пациентов (реципиентов) и порядка финансирования соответствующих мероприятий.
37. Кроме того, в настоящее время в соответствии с пунктом 15 Комплекса мер, направленных на совершенствование оказания медицинской помощи населению на основе государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2013 г. № 267-р, Министерством здравоохранения Российской Федерации разработан и внесен в Правительство Российской Федерации проект федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации».
38. Указанный законопроект, представленный для публичного обсуждения на интернет-сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации, предполагает в развитие положений статьи 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и в целях достижения большей прозрачности всего процесса донорства органов человека и их трансплантации ведение Министерством здравоохранения

Российской Федерации Федерального регистра доноров органов, реципиентов и донорских органов, состоящего из четырех регистров (Регистр волеизъявлений граждан о согласии или несогласии на изъятие их органов после смерти в целях трансплантации потенциальному реципиенту; Регистр доноров при посмертном донорстве органов и органов, изъятых при его осуществлении в целях трансплантации потенциальному реципиенту; Регистр прижизненных доноров, предоставивших при жизни свои органы в целях родственной трансплантации, и органов, предоставленных в целях трансплантации; Регистр реципиентов и органов, предоставленных в целях трансплантации).

39. Законопроектом предусматривается более детализированная процедура выражения гражданином соответствующего волеизъявления, в том числе в устной форме, учета волеизъявлений, получения медицинской организацией информации о наличии (отсутствии) волеизъявления гражданина, реализации близкими родственниками права заявить о несогласии на изъятие органов в случае отсутствия волеизъявления гражданина, включая информирование их о констатации смерти гражданина, которая сопровождается документированием (фиксацией) совершаемых действий.
40. По сведениям, полученным из Министерства здравоохранения Российской Федерации, при разработке законопроекта было уделено серьезное внимание позиции граждан и экспертного сообщества, высказанной при его публичном обсуждении. Концепция законопроекта поддержана в рамках парламентских слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, общественных слушаний, проводимых на площадках Общественной палаты Российской Федерации, Российской академии наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ряда общероссийских объединений граждан. Состоялось обсуждение законопроекта в профессиональных

сообществах в рамках конгрессов, круглых столов, в том числе с приглашением ведущих иностранных специалистов.

41. Власти Российской Федерации далее сообщают, что в настоящее время Российская Федерация находится в числе стран с наименьшим количеством выполнения операций по трансплантации, несмотря на то, что в стране выполняются все виды трансплантаций следующих органов: почки, печень, сердце, легкие, комплексы сердце – легкие, поджелудочная железа, кишечник и его фрагменты.
42. В 2014 году в России было выполнено 1522 трансплантации донорских органов (за период с 2005 по 2014 год количество трансплантаций увеличилось более чем в 3 раза). В 65 государственных медицинских организациях, включая федеральные, были выполнены 1026 трансплантаций почек, 302 трансплантации печени, 162 трансплантации сердца, 12 трансплантаций легких и другие трансплантации так называемых «малых органов» (фрагменты кишечника, поджелудочной железы).
43. По данным отраслевой статистики, общее число пациентов в субъектах Российской Федерации, находящихся на диализе в 2014 году, составило более 26000 (181,7 на 1 млн. населения) и около 30 процентов из них нуждаются в трансплантации почки. В то же время трансплантаций почек в 2014 году было сделано 1026 (7,6 на 1 млн. населения). Потребность в этом виде помощи остается высокой.
44. Согласно данным принятой международной статистики, в Российской Федерации с 2013 года выполняется примерно 10 трансплантаций на 1 млн. населения, в то время как в других европейских странах этот показатель гораздо выше. В Италии, Испании, Франции, Норвегии он составляет от 60 до 80 трансплантаций на 1 млн. населения, а в Белоруссии, Латвии, Венгрии около 40 трансплантаций на 1 млн. населения.
45. При этом пациентов, нуждающихся в этих видах лечения, например в трансплантации почек, ежегодно в России около 9000.

46. Трансплантацию донорских органов можно выполнить в медицинских организациях, где имеется современная инфраструктура и высококвалифицированные специалисты. Развитие трансплантации органов человека является показателем высокого уровня организации системы здравоохранения.
47. Но трансплантация не может развиваться без развития системы донорства органов. В Российской Федерации в 68 государственных медицинских организациях выполняются работы по изъятию органов и тканей. В 2014 году было зарегистрировано 782 донора, из них 465 посмертных доноров и 317 прижизненных доноров (родственников). Благодаря полученным от этих доноров органам было проведено 1522 трансплантации реципиентам в рамках оказания высокотехнологичной медицинской помощи.
48. Необходимо отметить, что при отсутствии в стране детского донорства детям в 2014 году было проведено 73 трансплантации почки, 76 трансплантаций печени, 3 трансплантации сердца путем пересадки им органов или частей органов (печень) взрослых, соответствующих конституциональным параметрам детей.
49. Таким образом, указанное выше наглядно демонстрирует, что вмешательство в право заявителниц, гарантированное статьей 8 Конвенции было осуществлено на основании закона, преследовало законную цель и было «необходимым» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции.
50. Далее, как было указано выше, в связи с предполагаемым незаконным изъятием органов Алины Саблиной без ее согласия и/или согласия ее родственников, заявительницы обратились в Следственный комитет Российской Федерации, которым было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении медицинских сотрудников учреждений, осуществлявших лечение и изъятие органов Алины Саблиной.
51. Кроме того, заявительницы обратились в Замоскворецкий районный суд г. Москвы с иском к Государственному бюджетному

учреждению здравоохранения г. Москвы «Городская клиническая больница № 1 имени Н.И. Пирогова» Департамента здравоохранения г. Москвы, Государственному бюджетному учреждению здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница имени С.П. Боткина», Федеральному государственному бюджетному учреждению «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И. Шумакова» Минздрава России о компенсации морального вреда.

52. Решением Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 7 апреля 2015 г. в удовлетворении исковых требований заявительниц было отказано.
53. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2015 г. решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 7 апреля 2015 г. было оставлено без изменения, а апелляционные жалобы представителя истцов Буркова А.Л. – без удовлетворения.
54. Определением судьи Московского городского суда от 15 октября 2015 г. в передаче кассационной жалобы Буркова А.Л., действующего в интересах заявительниц и дополнений к кассационной жалобе заявительниц на решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 7 апреля 2015 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2015 г. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции было отказано.
55. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2015 г. представителю истцов Буркову А.Л. было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.
56. Наконец, 27 июля 2015 г. заявительницы подали ряд жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации, оспаривая

конституционность статьи 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

57. Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 224-О было отказано в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
58. При этом в указанном Определении Конституционный Суд Российской Федерации сослался на тот факт, что ранее в его Определении от 4 декабря 2003 года № 459-О им уже исследовался указанный вопрос, и было установлено соответствие Конституции оспариваемого положения Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека».
59. Таким образом, национальными органами не было установлено нарушения прав заявительниц, в связи с чем отсутствуют основания полагать, что в настоящем деле имело место нарушение в отношении них положений статьи 8 Конвенции.

Ответ на вопрос № 2

60. Власти Российской Федерации полагают, что заявительницы не подверглись запрещенному статьей 3 Конвенции обращению в связи с изъятием органов Алины Саблиной без ее предварительного согласия или без согласия заявительниц?
61. Так, в частности, органы Алины Саблиной были изъяты в полном соответствии с положениями Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», профессиональными и уполномоченными на

такие действия медицинскими работниками и только лишь после установления факта ее смерти.

62. Тот факт, что заявительницы не были осведомлены о положениях Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» не может, по мнению властей Российской Федерации, вменяться в вину государства и рассматриваться как бесчеловечное обращение с заявительницами.
63. Кроме того, власти Российской Федерации убеждены, что необходимо отделять неизбежные страдания заявительниц, испытанные ими в связи со смертью Алины Саблиной, запретом врачей посетить ее в отделении реанимации 17 января 2014 г., предполагаемым поздним сообщением о ее смерти, и т.д., которые не являются предметом рассмотрения настоящей жалобы, от страданий, которые они испытали в связи с фактом изъятия органов Алины Саблиной без ее согласия и/или согласия заявительниц.
64. В этой связи власти Российской Федерации полагают, что страдания заявительниц, связанные с фактом изъятия органов Алины Саблиной, не достигли минимального уровня жестокости, чтобы повлечь нарушение статьи 3 Конвенции.
65. Далее, власти Российской Федерации отмечают, что из жалобы заявительниц не следует, что изъятие органов Алины Саблиной каким-либо образом отразилось на внешнем виде ее тела и в связи с этим усилило страдания заявительниц настолько, чтобы привести к нарушению статьи 3 Конвенции.
66. Так, в данном деле не имело места какое-либо увечье или обезображивание тела Алины Саблиной, как это имело место в рассмотренных Европейским Судом делах по жалобе № 21894/93 «Аккум и другие против Турции» (*Akkum and Others v. Turkey*) (постановление от 24 марта 2005 г.) и жалобе № 56760/00 «Акпинар и Алтун против Турции» (*Akpınar and Altun v. Turkey*)

(постановление от 27 февраля 2007 г.), на которые в национальном производстве ссылался представитель заявительниц.

67. Также, обстоятельства указанного дела отличаются от обстоятельств, описанных в деле по жалобе № 61243/08 «Элберте против Латвии» (*Elberte v. Latvia*) (постановление от 13 января 2015 г.), в котором заявительница вынуждена была хоронить своего супруга со связанными ногами, не знала о том, какие органы были изъяты у ее супруга и с какой целью вплоть до рассмотрения ее жалобы Европейским Судом, и в течение пяти лет была вынуждена ожидать принятия национальными властями окончательного решения по ее делу, лишившись в конечном счете права на компенсацию в связи с истечением сроков давности.
68. Тем не менее, нельзя не учитывать, что в настоящем деле, для установления причин смерти Алины Саблиной, было произведено вскрытие ее тела. При этом из материалов дела не следует, что заявительницы каким-либо образом возражали против осуществления аутопсии. Однако, является общеизвестным тот факт, что в ходе процедуры вскрытия происходит неизбежное вмешательство и нарушается неприкосновенность тела, так как из него, в целях исследования причин смерти, извлекаются все внутренние органы.
69. В связи с этим власти Российской Федерации полагают, что отсутствие в теле Алины Саблиной внутренних органов едва ли могло повлиять на эмоциональное состояние заявительниц сильнее, чем сам факт гибели Алины Саблиной, которую, к сожалению, нельзя было вернуть к жизни. Со всем уважением к чувствам заявительниц, власти Российской Федерации хотели бы напомнить о зачастую имеющем место явлении, когда родственников скончавшихся лиц эмоционально успокаивает тот факт, что органы ушедшего из жизни были извлечены в целях трансплантации и их использования для спасения жизней других людей.

70. Кроме того, власти Российской Федерации отмечают, что в своем постановлении по аналогичному делу (см. постановление по жалобе № 4605/05 «Петрова против Латвии» (*Petrova v. Latvia*) от 24 июня 2014 г.) Европейский Суд пришел к выводу о нецелесообразности отдельного рассмотрения жалоб заявительницы по статье 3 Конвенции, так как они были связаны с ее жалобами по статье 8 Конвенции и уже были рассмотрены в рамках указанной статьи.
71. Власти Российской Федерации отмечают, что жалобы заявителец в настоящем деле также тесно связаны с их жалобами по статье 8 Конвенции, и поэтому отдельное рассмотрение их доводов по статье 3 Конвенции не требуется.
72. Наконец, как следует из формуляра жалобы, предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции было заявлено только в отношении первой заявительницы, матери Алины Саблиной, но не в отношении второй и третьей заявителец, являющихся ее бабушками.
73. В этой связи власти Российской Федерации полагают, что в части предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции в отношении второй и третьей заявителец указанная жалоба должна быть отклонена.

Ответ на вопрос № 3

74. Власти Российской Федерации убеждены, что разбирательство в национальных судах по рассмотрению искового заявления заявителец о присуждении компенсации морального вреда было справедливым, всесторонним и соответствовало требованиям национального законодательства.
75. Как следует из пункта 1 статьи 6 Конвенции, судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или

национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

76. Таким образом, суду позволено ограничить открытый и публичный характер судебных разбирательств, например, в целях защиты безопасности или частной жизни свидетелей или обеспечения свободного обмена информацией и мнениями при осуществлении правосудия (см. параграф 37 постановления по делу «Б. и П. против Соединенного Королевства» (*B. and P. v. the United Kingdom*) от 24 апреля 2001 г., жалобы №№ 36337/97 и 35974/97).
77. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, власти Российской Федерации отмечают, что в ходе рассмотрения гражданского дела по иску заявительниц о компенсации морального вреда представитель ответчика заявил ходатайство о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании.
78. Представитель ответчика обратил внимание суда на то, что методы лечения, манипуляции, произведенные врачами, подлежащие оглашению в ходе судебного разбирательства, представляли собой врачебную тайну, которая была призвана защитить интересы самого больного, Алины Саблиной, и интересы других пациентов, нуждающихся в пересадке органов. При этом правом распоряжаться такой информацией в отношении даже умершего человека его родственники не обладают.
79. В связи с этим судом было удовлетворено ходатайство представителя ответчика о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании. Результаты рассмотрения ходатайства были отражены в мотивированном определении суда, которым учтены все аспекты позиции ответчика и нормы закона.

80. Таким образом, власти Российской Федерации полагают, что в ходе судебного разбирательства существовали исключительные обстоятельства, которые оправдывали отказ от публичного слушания дела заявителей.
81. При этом из материалов дела следует, что при вынесении решения о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании судом было учтено мнение всех сторон по делу.
82. Так, представители ответчиков, ссылаясь на статью 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» и Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» заявили ходатайство о проведении слушания по делу в закрытом режиме, поскольку информация о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну.
83. В силу действующего национального законодательства разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при исполнении служебных обязанностей, а также информация, отнесенная законодательством к конфиденциальной (в частности, информация, связанная с нахождением на лечении пациентки в медицинском учреждении), не допускается.
84. Кроме того, суд заслушал представителя истцов, который настаивал на том, что отсутствовали основания для проведения закрытого судебного заседания.
85. В соответствии с разъяснениями, данными Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о

деятельности судов», суд вправе рассмотреть в закрытом судебном заседании гражданское дело по мотивам обеспечения права на неприкосновенность частной жизни либо сохранения сведений, составляющих коммерческую или иную охраняемую законом тайну, а также сведений, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой нарушение прав и законных интересов гражданина (часть 2 статьи 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

86. По смыслу приведенных норм, к иным охраняемым законом тайнам относится и врачебная тайна, а также сведения конфиденциального характера.
87. Власти Российской Федерации убеждены, что решение суда провести закрытое судебное разбирательство не мешало полному и объективному исследованию доказательств.
88. Так, представитель заявителей активно участвовал в производстве, заявлял ходатайства, некоторые из которых удовлетворялись. При отклонении же ходатайств представителя заявителей судом выносилось мотивированное решение. Кроме того, представитель заявителей участвовал в допросе свидетелей и сторон, представлял доказательства и т.д.
89. Кроме того, необходимо учитывать, что принцип гласности включает в себя различные способы, обеспечивающие доступ сторон, широкой общественности к информации о мотивах постановленного решения. Истцы по делу использовали все имевшиеся у них сведения, полученные по существу спора, по своему усмотрению, оглашали эту информацию в различных средствах массовой информации, включая прессу и телевидение, что подтверждается представленными суду видеоматериалами. Копия мотивированного решения по делу была получена стороной истца в

установленном законом порядке, что подтверждается распиской, имеющейся в материалах гражданского дела.

90. В связи с принятием решения о рассмотрении указанного гражданского дела в закрытом судебном заседании, по итогам рассмотрения дела была объявлена резолютивная часть решения, что также соответствует положениям части первой статьи 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, из которой следует, что решение суда принимается немедленно после разбирательства дела, при этом резолютивную часть решения суд должен объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела.
91. Национальное законодательство предусматривает возможность составления мотивированного решения суда в течение пяти дней со дня окончания разбирательства дела (часть вторая статьи 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).
92. Относительно участия прокурора в рассмотрении гражданского иска заявительниц, власти Российской Федерации отмечают, что в соответствии с частью третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей на момент рассмотрения дела судом первой инстанции) прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий. Таким образом, спор по гражданскому иску заявительниц не подлежал рассмотрению с обязательным участием прокурора.
93. Тем не менее, в соответствии со статьей 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса относится к компетенции суда.

94. При этом под понятием «заключение прокурора» следует понимать мотивированное мнение о разрешении дела по существу, основанное на нормах материального и процессуального закона, подлежащих применению к спорным правоотношениям, сформированное по результатам совокупного анализа фактических обстоятельств дела и представленных сторонами доказательств в обоснование либо опровержение требований.
95. Таким образом, участвуя в судебном разбирательстве, прокурор дает заключение по существу спора. Он квалифицирует спорное правоотношение, указывает закон, подлежащий применению, анализирует доказательства, представленные сторонами, с позиции их достаточности, относимости и допустимости, определяет юридически значимые обстоятельства, необходимые для вынесения судом законного и обоснованного решения по делу.
96. Как указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, заключение прокурора не может предопределять позицию суда по конкретному делу, которая должна формироваться в результате установления фактических обстоятельств, а также беспристрастного, всестороннего и полного исследования всех материалов и доказательств, заслушивания мнений, доводов сторон и других лиц, участвующих в деле (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 589-О-О, от 18 декабря 2007 г. № 831-О-О).
97. Таким образом, участие прокурора в судебном разбирательстве никоим образом не препятствовало реализации заявительницами в полном объеме своих прав как стороны в процессе и не могло рассматриваться как нарушающее конвенционные права заявительниц, указанные в жалобе.
98. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что апелляционной инстанцией Московского городского суда жалоба заявительниц была рассмотрена без участия прокурора.

99. Таким образом, власти Российской Федерации полагают, что отсутствуют основания утверждать, что в отношении заявителей имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Исходя из изложенного,

ПОЛАГАЮ:

- (i) жалоба заявительниц по статьям 3 и 8 Конвенции должна быть отклонена в связи с тем, что поданная ими ранее аналогичная жалоба была признана Европейским Судом неприемлемой;
- (ii) жалоба заявительниц, касающаяся предполагаемого нарушения их прав, гарантированных статьями 3, 6 и 8 Конвенции, является неприемлемой и необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции;
- (iii) не требуется отдельного рассмотрения жалоб заявительниц по статье 3 Конвенции;
- (iv) жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции.

Приложение: на 403 л.

Руководитель Аппарата Уполномоченного
Российской Федерации при Европейском
Суде по правам человека – заместителя
Министра юстиции Российской Федерации

А.М. Федоров